

Лето 1996 года. Я прилетаю в Москву из Нью-Йорка. Просто дух захватывает, когда самолёт приземляется в Шереметьево, — ведь в Москве я не была ровно десять лет. За это время родители меня навещали, а вот друзей своих я не видела все эти годы.

Получаю чемоданы. Стою в очереди на выход и с нетерпением смотрю в сторону встречающих. Я сразу различаю своего папу, его седая голова возвышается над толпой. Видимо, он тоже меня разглядел и машет рукой. Немного присмотревшись, вижу и маму. Вдруг кто-то выхватывает у меня из рук один из чемоданов. Этот высокий юноша рискнул проникнуть на территорию, куда встречающих не пускают.

— Эрнесто! — восклицаю я и сдерживаю себя, чтобы не сказать что-то вроде: «Боже, какой же ты большой, а я ведь тебя помню вот такусеньким!» Но вспоминаю, как терпеть не могла, когда ко мне в детстве с этим приставали, и говорю только:

— Какой ты молодец, что сюда пробрался! Вот спасибо!»

Эрнесто я узнаю сразу, хоть он так изменился за эти десять лет. Тем не менее, он стал ещё больше похож на свою маму, мою дорогую подругу детства Ксану Дмитриеву. С помощью Эрнесто я быстрее продвигаюсь к выходу. Папа с мамой бросаются ко мне, как только я пересекаю заветную черту таможенного контроля. После объятий и радостных восклицаний замечаю Ксану, стоящую неподалёку. Ксана за эти десять лет изменилась значительно меньше Эрнесто, она всё так же похожа на

Марина Валентиновна Берестова — переводчик, педагог, автор книги «Профессия — дочь», дочь известного поэта, лауреата Государственной премии РФ Валентина Дмитриевича Берестова. Живёт в Испании.

своего отца, замечательного сатирика Леонида Израилевича Лиходеева. Мы обнимаемся и не можем сдерживать слёз. За эти десять лет столько всего произошло. Дяди Лёни больше нет с нами.

Несколько дней спустя, мы прогуливаемся с Ксаной по ВДНХ. Если бы кто-нибудь прислушался к нашей беседе, то, наверное, удивился бы. Две взрослые женщины называют друг друга какими-то странными именами — Ксанентус и Маринин — и говорят друг про друга исключительно в мужском роде. Я говорю, как всегда, очень быстро, но Ксана не забыла мою манеру разговора. Она всё понимает и не переспрашивает. После прогулки мы собираемся ехать к ней домой в Свиблово, знакомиться с её мужем Сашей, о котором она мне с любовью рассказывает. Он действительно Саша, а не какой-нибудь Александр, но всё-таки он «наш человек», испанский переводчик.

— А что больше всего отличает мужа-соотечественника от мужа-латиноамериканца? — пристаю я к Ксане.

Она задумывается над моим глупым вопросом и серьёзно отвечает:

— Ты понимаешь, латины постоянно говорят разные комплименты, а наш молчит себе, а потом вдруг скажет что-нибудь такое, что забыть уже просто невозможно. И ещё, вот мы сейчас с тобой погуляем, придём домой, и никто не спросит: «А где это вы были?»

Мы ещё долго гуляем по ВДНХ и предаёмся воспоминаниям. С Ксаной мы ходили в один и тот же Литфон-

довский детский сад, потом жили в одном доме на проспекте Вернадского. В свой день рождения в ноябре она радостно заявляла: «Я тебя сейчас всего на год младше!»

В январе мы отмечали мой день рождения: «Эй, малолетка! Я опять тебя старше на два года!»

— Посмотрим, что вы лет через тридцать будете говорить, — как-то заметил дядя Лёня.

И в самом деле, теперь, когда я звоню Ксане 18 ноября, она совсем не радуется тому, что нас разделяет только год, а только вздыхает:

— Как же так? У нас — и такие ужасные цифры!

Ксана похожа на дядю Лёню почти также, как я на своего папу. Однажды после путешествия по Латвии они приехали в Ленинград и решили остановиться в гостинице «Советская».

— Вместе нас не поселят, — испугался в последний момент дядя Лёня. — Я ведь не взял твоего свидетельства о рождении, и фамилии у нас разные.

Но номер им всё-таки дали.

— Вы только посмотрите на наши носы! — убеждал дядя Лёня.

— Сразу видно, что папа с дочкой, — согласилась женщина на регистрации.

Мой папа любил вспоминать, как дядя Лёня стал сатириком. Начинал он как поэт, но время от времени писал замечательные фельетоны. Как-то раз папа шёл по улице и увидел, как несколько человек стоят у стендов с газетами и надрываются от хохота. Он подошёл поближе, начал читать и тоже засмеялся. Это

был дяди Лёнин фельетон. Папа говорил, что именно он посоветовал дяде Лёне стать сатириком. Ксана считает, что, скорее всего, мой папа не был единственным, кто дал дяде этот совет. «Мир познаваем, — любил цитировать папа дяди Лёнину “Звезду с неба”, — это очень мило с его стороны».

В воспоминаниях о Чуковском дядя Лёня рассказывает об одном из традиционных чуковских костров, на котором присутствовала провинциалка, которая прибыла в столицу посмотреть на царь-колокол, царь-пушку, Третьяковку и Чуковского: «Приехал Берестов. Он всегда читал стихи на чуковских кострах. Мне кажется, Корней Иванович любил Валентина Дмитриевича как Мойдодыра — как своё произведение, дорогое автору тем, что не меняется с переизданиями. Берестов явился, сверкая лучезарными очулярами и доверчивой улыбкой, без которой не бывает счастливого детства».

Гостя ревниво смотрела на него. Её смутило, что гений так простецки обнимает взрослого мужчину. Вероятно, по её мнению, Чуковский должен был обнимать исключительно детей. В крайнем случае, Михалкова или Барто». (Леонид Лиходеев. «Мои встречи с Чуковским».)

Дядя Лёня был увлечённым автомобилистом. Он любил свои машины, сам частично занимался их починкой, его увлекали длительные поездки, в машине он держал под рукой различные карты. Он написал чудесную книгу «Я и мой автомобиль».

Однажды мы играли с Ксаной у нас во дворе, когда появился дядя Лёня на своём «Москвиче». Он, конечно, приехал навестить дочку, но, увидев столько детей, с восторгом смотревших на его машину, пригласил:

— Залезайте, я вас покатаю! — все мы, а было нас, наверное, человек восемь, в момент набились в машину, боясь, как бы дядя Лёня не передумал. Вдруг из первого подъезда выбежал запыхавшийся Генка.

— Подождите! А я? Возьмите меня! — кричал он на ходу. Мы немного испугались. Что если дядя Лёня вообще откажется везти столько народу?

— А без Геннадия автомобиль вообще не поедет, — серьёзно сказал дядя Лёня, открывая дверь для Генки.

Племянник Пашка, сын дяди Лёниной сестры Энны, женился на немецкой девушке Карин. Свадьбу сыграли в Ростове. Потом Карин улетела к себе в ГДР, а дядя Лёня и Пашка собрались туда съездить на автомобиле. Но у дяди Лёни уже заканчивалась гостевая виза, а Пашкин паспорт всё ещё не был готов. Дядя Лёня сказал, что поедет первым.

— Как же ты там будешь с ними объясняться? — спросила Валентина Георгиевна, Ксанина мама («Моя старшая жена» — иногда представлял её дядя Лёня), — Ведь ты же, кроме «Хенде хох!», ничего не знаешь по-немецки? Ксана и я сразу стали воображать себе эту картину. Вся семья Карин ждёт приезда молодого и красивого жениха, которого они зна-

ют по фотографиям. Услышав, что кто-то подъехал к дому, они выбегают на улицу. Из машины вылезает лысый дяденька средних лет и вежливо всех приветствует: «Хенде хох!»

Летом 1965 года мы приезжаем в Дом творчества в Коктебеле с папой и мамой. На завтрак являемся поздно, наши соседи по столу уже ушли на пляж. В обед мы их тоже не видим, и меня начинает мучить любопытство, кто же эти загадочные соседи. Всё проясняется к ужину, когда за столом появляется Леонид Лиходеев и его жена Надежда Андреевна.

— Так вот кто мой сосед! — радуется дядя Лёня. — Господин Берестов!

Поехали папа с дядей Лёней на рыбалку. Дядя Лёня поймал много рыбы, а папа — только одну. Зато какую! Это была фиолетовая с переливами ядовитая рыба скорпена. Трогать её нельзя — обожжёшься. Про дяди Лёнин улов все забыли и говорили только о папиной рыбе.

— Маринка, — попросил меня дядя Лёня на следующий день, — пойди к своему папе и скажи, что ты написала стишок: «Юноша Берестов в Понте Эвксинском // Поймал несравненную рыбу».

Про Понт Эвксинский я всё перепутала, и папа сразу понял, кто настоящий автор стишка. Вообще в то лето дядя Лёня постоянно сочинял что-нибудь гекзаметром. Писатель Лазарь Лазарев прогуливается по набережной и курит. В море купаются его две дочки, жена и племянница. Дядя Лёня издали за ними наблюдает: «Лазаря дети купались в бушующем Понте Эвксинском. // Лазарь на

береге сидел, радуясь множеству их».

Папа с дядей Лёней играют на балконе в шахматы. Дядя Лёня постоянно что-то комментирует всё тем же гекзаметром. Папа играет молча, но потом тоже выдаёт: «Был Лиходеев занудой — занудою он и остался».

— Лёничка, бедненький! — бросается к нему Надежда Андреевна.

Но дядя Лёня не обижается. Он смеётся вместе со всеми.

Мои подружки уезжают на экскурсию. Мне скучно, я подсаживаюсь на пляже к дяде Лёне. «Видишь, какой я камень нашёл? На сало похож. Ты его сейчас спрячь куда-нибудь, а за обедом подложи в тарелку господину Берестову», — шёпотом говорит мне дядя Лёня.

— Я, кажется, не это заказывал, — удивляется папа, но всё же тыкает вилок в каменное сало. — Ах, вы, злодеи!

После обеда мы продолжаем «лелеять коварные замыслы». Дядя Лёня пишет на листе бумаги: «Объявление. Сегодня после 21 часа на набережную выходить строго воспрещается. Администрация». Мы подходим к доске объявлений, дядя Лёня караулит у двери, я вешаю нашу бумажку где-то внизу.

Через пару часов весь Дом творчества только и говорит о странном объявлении, все пытаются угадать, что же это может значить.

— Почерк похож на Лиходеевский, — начинает сомневаться папа.

Мы опять направляемся к доске объявлений. Наша бумажка висит на самом видном месте, кто-то её перевесил. Дотянуться до неё я не могу,

и дядя Лёня, оглянувшись по сторонам, встаёт к доске спиной и осторожно отдирает наше объявление. Мы идём в сторону пляжа и по дороге встречаем кого-то из администрации: «Скажите, пожалуйста, — обращается к ним дядя Лёня, — там объявление висит, что на набережную выходить сегодня нельзя после девяти, это почему?» «Это не только сегодня, — слышим мы в ответ, — это теперь каждый день так: после девяти — полный отбой». До самого вечера мы только и слышим: «Как, вы не видели? Оно там висело... Его там больше нет... Вы что-нибудь знаете? Как, вы ничего не знаете?» В девять все выходят на набережную посмотреть, что же будет.

— У меня есть предчувствие, что за этим стоит моя дочь, — задумчиво говорит папа.

1966 год. Отмечаем Ксанино десятилетие.

— На второй десяток перевалило, — сообщает ей мой папа с уважением.

«Я спрашиваю Ксанку, ты кем хочешь быть, когда вырастешь? — рассказывает дядя Лёня, — а она говорит: “Тем же, кем и Маринка. — А Маринка кем хочет быть? — “А она ещё не знает”».

Школу мы с Ксаной не любили. Мы часто коллективно «болели», и Нина Васильевна, педиатр из Литфондовской поликлиники, без разговоров выписывала нам справки: «Конечно, они всегда болеют вместе. Друг от друга заражаются».

Когда мы вышли из детского возраста, то терапевт Анатолий Иса-

евич, увидев нас в очереди к нему на приём, смеялся: «Мы с Тamarой ходим парой». Но справки всё-таки давал. Как-то, получив по справке, сидели мы с Ксаной у меня в комнате и смотрели фигурное катание, когда появился дядя Лёня. В руках у него был пакет с апельсинами. Он пришёл проведать дочку, а она, оказывается, болеет в гостях.

— Вот, посмотри, — сказал папа, открывая ему дверь, — загадочная картинка: где больные дети?

1971 год. Кинотеатр «Октябрь». Мы с Ксаной пришли на премьеру фильма «Дача». Дядя Лёня встречает нас у входа, даёт пригласительные билеты и исчезает. В зале мы с волнением читаем имя «Л. Лиходеев» вместе с двумя другими авторами сценария. Из всего фильма я помню только такую сцену. Один из главных героев всю жизнь мечтал купить себе дачу. Накопил денег, приехал за неё платить, а денег найти не может. «Вы не волнуйтесь, — успокаивает его хозяин дачи. Я тоже всё забываю, один раз дочку забыл в электричке. Доча, ты помнишь, как я тебя забыл в электричке?»

А кончается фильм тем, что эта же «доча», найдя где-то пакет с деньгами, разбрасывает бумажки с балкона, а все пытаются их поймать.

После премьеры мы с Ксаной пытаемся пробиться к дяде Лёне, потом долго ждём его на улице и, несолоно хлебавши, уезжаем домой.

Грустно пьём чай у Ксаны на кухне, всё не можем успокоиться. Вот что делает с людьми слава! Фильм

только вышел и — вот вам, пожалуйста! Дети покинуты ночью на пустынной улице перед кинотеатром. Автор, скорее всего, обмывает премьеру, а про нас даже и не вспомнил. Вдрагиваем от звонка в дверь. Входит вышеупомянутый автор с коробкой торта в руках. «Доча, а ты помнишь, как я тебя забыл в электричке?» — говорит он удивлённой Ксане.

В 14 лет я начала учить испанский язык и время от времени обучала Ксану каким-нибудь стихам и песням. Ксана стала выписывать из самоучителя испанские слова, а позже записалась в тот же кружок во Дворце Пионеров к нашей маэстре Гале. Моего папу нам иногда удавалось научить каким-нибудь фразам, а дядя Лёня всегда отмахивался. В лучшем случае он цитировал стишок, который Михаил Дудин написал, включив все известные ему испанские слова: «Муча мучача гран кукарача».

Приезжаем с Ксаной в гости к дяде Лёне. С интересом разглядываю интерьер. Моё внимание привлекают экзотические лампы на стенах. Я знаю, что в квартире многое сделал сам хозяин. Он любит мастерить, вырезать по дереву, рисовать.

— Дети, — раздаётся команда, — идите на кухню, где, собственно, вам и место. Мы едим потрясающий борщ.

— Как же вы вкусно готовите! — восхищаюсь я. — А вот мой папа совсем не умеет.

— Зато твой папа полпустыни ножичком перекопал, — вступается за него дядя Лёня.

Летом 1976 года у Ксаны родился сын. Поднимаюсь к ней на четвёртый этаж, узнав об этом радостном событии.

— Давай назовём его Александром, Сашей, — предлагает дядя Лёня.

— Нет, не годится, — отвечает Густаво, отец младенца, — По-испански это звучит как женское имя. Ксана его у нас в Никарагуа позовёт: «Саша!» и все будут смеяться.

Решили посмотреть на него поближе и потом уже определить, какое имя больше подходит. Возвращается Ксана из роддома. Ребёнок кажется нам таким маленьким!

— Тут же нечего жарить, — говорит дядя Лёня, с опаской держа его на руках.

Ребёнка хотели назвать сначала Рамон-Эрнесто, а потом Иван-Эрнесто.

— Иван? Редкое у евреев имя ... — заметил дядя Лёня.

Так Эрнесто и остался с одним именем.

Через несколько месяцев Эрнесто заметно подрос. Вот мы прогуливаемся с Ксаной, с детьми и с двумя дедушками, которые веселятся потому, что их внуков зовут Эрнесто Густавович Эрнандес-Роблето и Рауль-Антонио Хосеевич Дуран.

— Так кто же из них старше?

— Эрнесто. Он на два месяца старше Раулито.

— Понятно, — заключает мой папа, — ученик превзошёл своего учителя.

Санто-Доминго. 1984 год. Вижу в газете: «Приглашаем на ужин с советским поэтом Эухенио Эутученко. Цена: 15 песо». Приходим мы с Хосе в ресторан. Во главе стола сидит Евтушенко. Рядом с ним — доминиканские писатели Хуан Босч и Педро Мир. Подают какую-то вкусную еду. Встречаем нескольких знакомых. Они тоже прочли объявление в газете. Евтушенко неплохо говорит по-испански. Он произносит тост, читает стихи. Организаторы ужина, услышав русскую речь, просят произнести тост кого-нибудь из соотечественников Эухенио. Все соотечественницы толкают меня. Встаю с места и называю свою фамилию, делая ударение на предпоследнем слоге, чтобы было понятнее по-испански.

— Это дочь нашего очень достойного писателя! — добавляет через стол Евтушенко.

Произношу свой тост. Хуан Босч изредка прерывает меня восторженными комментариями.

Я снова встречаюсь с Евтушенко в мастерской художника Сильвано Лора. Прощаясь, я даю ему письмо для папы, куда мой сын вкладывает свой только что нарисованный портрет Евтушенко, читающего стихи.

Недели через две после этого позвонил папа и сообщил, что встретился с Евтушенко, подарил ему книжку и подписал: «Жене Евтушенко — знаменосцу нашей поэзии и письмоносцу моей дочери».

— Он мне рассказал, что, когда ты произносила тост, Хуан Босч плакал.

— Знаешь, папочка, я тогда в ресторане всё время вспоминала дяди Лёнину надпись на стенке кафе в ЦДЛ: «Я сегодня, ев тушёнку, вспоминал про Евтушенку».

Ноябрь 1986 года. Я приехала в Москву из Санто-Доминго и смогу прийти на день рождения к Ксане.

— И Маринка будет? Придётся и мне явиться. А я-то надеялся откупиться деньгами, — вздыхает дядя Лёня. — Вот уж кого не думал здесь встретить! — кричит он с порога. — Господин Берестов!

На дне рождения они договариваются, что сводят нас с Ксаной в ресторан ЦДЛ накануне моего возвращения в Санто-Доминго.

В ресторане они оба были такие гордые — в сопровождении взрослых дочерей. Дядя Лёня сообщил мне, что пишет исторический роман, который он пока для себя называет «Старуха». Рассказывая, как он над ним работает, дядя Лёня заговорил о папе:

— Валька — такой образованный. Просидел я весь день в библиотеке, нашёл много интересного. Встречаю твоего папу, делюсь с ним этой новой информацией, а он говорит: «Да, как замечательно! А ты знаешь, что...» и ещё столько же добавил. Вот я и думаю: зачем же я столько в библиотеке сидел? Лучше бы сразу его спросил.

Тогда в ЦДЛ я видела дядю Лёню в последний раз. Его не стало в ноябре 1994 года.